

ВИКТОР ФЕДОРОВ

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
К СЕБЕ**

~~29.12.1986~~

~~09.08.257~~

~~04.12-1366.~~

~~15.0d-150~~

3 TMO T. 3600000 3. 742-91

24(2=411.2)6кр
Ф 33

Виктор Фёдоров

**Возвращение
к себе**

147115

30,00

Городская
библиотека-музей

Литературный клуб «Элегия»
г. Находка, 2013

СН ЦБС

ББК 85 313.3

О-96

Виктор Фёдоров, “Возвращение к себе”, повесть.

Подготовлено к печати: литературный клуб “Элегия” (г. Находка).

г. Владивосток, 2013 г., 228 стр., тираж 500 экз.

ISBN 978-5-91849-055-6

Приключенческая повесть «Возвращение к себе» рассказывает о том, как человек, попавший в череду смертельно опасных приключений, теряет все в жизни, но борется, набирается сил и становится крепче, решает все трудные задачи, которые ставит перед ним жизнь.

Даже в самые тяжкие минуты он остается человеком, которому свойственны и твердость, и милосердие.

В конечном итоге, пройдя все испытания, герой повести находит то, чего не терял, но что заслужил – счастье начать и делать серьезное и нужное дело, а еще – любить и быть любимым.

В авторской редакции.

Дизайн обложки: Анна Малюга

Макет, вёрстка: Денис Кабелев

ISBN 978-5-91849-055-6

© Федоров В.Ф., 2013

© ООО «Рея», 2013

Покойничек

Разве темнота может быть такой холодной и чужой? Разве бывает она такой огромной и густой? Ну, разве можно в этой темноте жить? Не могу, да и не хочу быть здесь, мне не нужно это, я хочу уйти. Люди, где вы все, куда пропали? Откройте же окна!

Эти вопросы, словно пузыри воздуха из горячей, липкой смолы, всплывали в его сознании и лопались, оставаясь без ответа. Он не чувствовал своего тела. Его просто не было. Существовало только сознание, да и его тоже трудно было бы определить, как что-то цельное. Оно состояло лишь из вопросов...

—Тань, глянь-ка,— раздался в темноте далекий женский голос,— никак, проснуться решил.

—Да нет,— ответил ей другой голос,— куда ему, такие не просыпаются. Может, отходит? Позови-ка лучше Сергея Иваныча, пусть посмотрит.

—Парень, ты чего? Как ты, а? — прозвучал мужской бас.

—Никак, снова отходить собрался, а? — спросила опять женщина.

—Нет, пульс хороший, да и кардиограмму недавно делали — тоже ничего.

Он напрягал все свои силы, чтобы открыть глаза и посмотреть, кто говорит, но темнота не отпускала, сил не хватало.

—Ну же! Ну! Давай, давай, парень! Карабкайся! Ты же ого, какой живучий! У тебя получится!

Глаза не открывались. Ему бы попить... Хотелось сказать об этом, но губы не слушались.

—Да ладно, пусть полежит. Может, укольчик сделать? Поспит и сил наберется,— сказала женщина.

Терпеть это было сверх его сил. Он сделал усилие и почувствовал, как губы чуть приоткрылись.

—Говори, говори, милый, я слушаю тебя,— сказал мужской голос и он, ощутив губами тепло, попытался прошептать.

—Ах, ты ж умничка! Ах, ты ж молодец! Танюха, знаешь, что он сказал?

—Что?

—«Дура» он сказал! — рассмеялся мужчина,— Ну, не молодец ли, а?! Обе женщины звонко расхохотались.

—Ну, красавец, ты мне за это шампанское поставишь, иначе не прощу! — сквозь смех проговорила одна.

–И мне,– добавила вторая.

–А теперь,– серьезно сказал мужчина,– сделайте снотворное и внимательно за ним наблюдайте, чтобы не вскочил сгоряча, когда проснется.

–Не упустим!

Это стало последним, что он услышал. Проснувшись, сразу открыл глаза. Свет больно резанул, и они сами тут же закрылись. Сердце сильно колотилось. Той, враждебной, темноты уже не было. После первой вспышки он видел только какую-то темно-розовую пелену. И опять эта жажда. Когда же можно будет напиться?

–Пить, воды,– попытался крикнуть, но услышал совсем не похожий на крик хрип.

–Так. Проснулся? Чего буяним? – раздалось рядом.

–Пить.

–Ага, теперь понятно. Сейчас попьем,– сказал женский голос, и в губы ткнулось что-то гладкое. Из него капнула теплая, явно кипяченая, но сейчас – самая вкусная на свете вода. Он припал к источнику долгожданной влаги, как малое дите к груди матери, но счастье это длилось всего несколько мгновений.

–Нельзя тебе много, милоч,– сказала женщина,– порезали тебя всего внутри-то, перекроили там все. Ты уж потерпи. Если что – говори, буду подходить и по капельке давать.

Так он узнал хоть что-то о себе. Попытки вспомнить, как и откуда попал сюда, ни к чему не приводили. В памяти не было ни грамма информации о его жизни. Даже имя свое не помнил.

На третий день его перевели из реанимационного отделения в палату. К тому времени, он уже сносно разговаривал, но глаза открывал с трудом и ненадолго. Врач сказал, что так бывает при черепно-мозговых травмах.

–«Ну вот, теперь и травма черепно-мозговая у меня есть,– подумал он,– что еще объявится?»

Мужики в палате постоянно о чем-то болтали. Это немного раздражало, но, благодаря именно этим разговорам, он по крупицам узнавал хоть что-то о жизни и о себе. Как выяснилось, он стал довольно известной личностью в больнице. Оказалось, что в реанимацию его привезли с биркой на пальце ноги из морга, где пролежал целую ночь после того, как был подобран на пустыре. По рассказам мужиков, он чуть не свел с ума патолога-анатома, который начал уже делать

вскрытие и, сделав первый надрез, увидел пульсирующую кровь и заорал во всю мощь своих легких, перепугав студентов-практикантов. Все остальное стало легендой. Вся больница переживала – спасут или не спасут.

Мало-помалу, глаза привыкли к свету, и вскоре он вполне уже сносно терпел свет, если не было прямых солнечных лучей. Дни выстраивались однообразно и тоскливо – треп мужиков, уколы, капельницы, перевязки...

–Через полчаса к вам придет следователь,– меряя давление, сказала через три дня врач на утреннем обходе.

–А зачем?

–Это она и объяснит. А разве вам самому не интересно узнать, что с вами случилось?

–Интересно.

–Вот, лежите и ждите.

–Жду. – ответил он и подумал, что даже если бы и хотел убежать – как? Даже в туалет – и то, утку просить приходилось.

Следователем оказалась довольно крупная, но еще очень молодая девушка в новенькой милицейской форме. Явно немножко смущаясь, она вошла в палату, поздоровалась со всеми и, взяв табурет, села напротив него.

–Здравствуйте, зовут меня Татьяна Ивановна. Если вам трудно запоминать, можете звать Татьяной. Я веду расследование по вашему делу.

–А я не знаю ни как меня зовут, ни о чем мое дело,– стараясь отвести глаза от ее больших, круглых коленок, обтянутых тонким прозрачным капроном, ответил он, ни на секунду не сомневаясь, что уже видел когда-то точно такие же. Они нравились...

–И что, вы совсем ничего не помните? – спросила следователь,– Ни как оказались там, на пустыре, ни почему без одежды? Кто бил, за что? Имя, фамилию свою, откуда вы?

–Абсолютно,– ответил он, уже не в силах оторвать взгляд. Да и, в конце - то концов, что ему терять? Не отрываясь уже и почти не слыша ее вопросы, смотрел туда, где в темном треугольнике пространства между плотной юбкой и сжатыми ногами скрывалось то, что разум не помнил, а тело помнило. Он чувствовал, как медленно, но верно, оно оживает! В висках застучал пульс...

–Ладно, я пойду, выздоравливайте,– явно почувствовав это его

пробуждение и, совсем смутившись, следователь положила на тумбочку карточку и добавила, чтобы позвонил, если что вспомнится.

По словам медсестер, выздоровление шло нормально. Все швы заживали в точном соответствии с какими-то, ведомыми только врачам, графикам. Голова болела и кружилась все меньше и меньше. Вскоре он мог уже совсем свободно ходить по больнице. Все было бы хорошо, кабы не одно «но» — он никого не знал, и его никто не знал. К нему никто не приходил, если не считать следователя, Татьяну. Она стала для него совсем, как родная, и приходила уже не как следователь, а как простой посетитель, навестить больного.

В очередной свой визит она положила на тумбочку справку об утерянном паспорте. Какой-никакой, а документ. В нем он значился Владимиром Владимировичем Владимировым. Почему взял такое имя? Так он его и не брал. Это имя предложила Татьяна, а ему оставалось только согласиться. Так и поступил. Какая разница, если своего, настоящего, не знаешь?

С тяжкими думами подходил Владимир к выписке. Как ни оттягивал, симулируя головокружение или тошноту по утрам, этот день все же наступил. Мужики скинулись и купили ему кое-какую одежду. Первый путь после больницы лежал в отделение милиции, что находилось неподалеку, где ждала его Татьяна.

—Заходите, Володя,— Татьяна пригласила его в кабинет, в котором сидели за столами еще двое, видимо тоже следователи.

—Ну, вот,— весело сказал один из них,— и мы, наконец, сподобились живого покойничка увидеть.

—Ладно тебе, Николай, прекрати!— сказала ему Татьяна.

—Да шучу, я же ничего...

—Все хорошо, ребята,— сказал Владимир, стараясь казаться бодрым и независимым.

—Володь, мы тут поговорили с ребятами и порекомендовали тебя в домоуправление. Они обещали работу подыскать на первое время. Жить — то нужно на что-то. Вполне нормальный вариант, если учитывать, что тебе и место в общежитии дадут. Поработаешь пока там, а дальше — видно будет.

—Спасибо, ребята, я перед вами в долгу.

—Да ладно тебе,— сказала за всех Татьяна,— еще не хватало нам считаться!

—Ну, здравствуй, покойничек! — были первые слова, которые Владимир

услыхал от своей новой начальницы в домоуправлении, — меня зовут Изида Петровна.

Дородная дама с рыжими, как попало торчащими, тусклыми патлами и бесцветными, навывкате глазами, не мигая смотрела на него.

—Здравствуйте. Меня зовут Владимир, — не зная, то ли разозлиться, то ли смолчать, тихо, но четко сказал он.

—Ладно, ты не обижайся. Я, парень, женщина простая, на меня грех обижаться. Заслужишь ежели — обматерю на чем свет стоит. Ну, а коли угодишь — расцеловать могу, да и вообще, много чего могу. Одним словом, я тебе не тетка и не мамка родная. Меня нужно слушать, и тогда все будет хорошо. Водку-то пьешь?

—Да нет, вроде...

—Ага, это мы посмотрим. В больничке-то, конечно же, не пил. Поглядим, как в общеаге будешь. Только помни, я неприятности не люблю. Они мне ни к чему. Пить после работы не запрещаю, но за неприятности мигом рассчитаюсь сполна, мало не покажется! Понял, нет?

—Понял.

—Ага, понятливый... Работать будешь при мне пока. Тебе нельзя тяжелое. Посмотрим, к чему тебя пристроить. Жить в общеаге, в комнате на двоих будешь, а там — видно будет. Договорились?

—Да.

—Вот и ладно. Серега, — крикнула она кому-то в коридор, — своди-ка поко... Владимира в общежитие. Покажи ему, где четырнадцатая комната.

—Ты это чё, Петровна...там же Васька... — красная, явно основательно похмеленная с утра, небритая физиономия лет сорока пяти показалась из-за косяка.

—А ты молчи, не твоего ума дело, не то займусь сейчас тобой! Чё лыбишься? Делай, что говорят!

—Во, дает! — хмыкнул Серега и тут же скрылся.

—Все, иди. Серега покажет тебе, где постельное белье получить. Через час быть здесь. Расскажу, что делать будешь.

Общежитие оказалось не очень далеко. Серега с трудом нес свое худое тело по улице и чему-то постоянно улыбался.

—Ты это, Вован, ты не дергайся, когда Васька придет, понял?

—Понял. А что, он такой страшный?

—Не-а, совсем не страшный.

—А чего тогда пугаешь?

—А от него, Вовчик, все почему-то с переломанными ногами и руками съезжают, да все не своим ходом, на носилках. А так, он и не страшный совсем, даже веселый и анекдоты уважает.

—Успокоил.

—Ну, и ладно. Мое дело маленькое. Я предупредил, а ты уж сам смотри, что к чему. Серега такой, сказал раз и все, а там... и ваще, блин, мне по барабану! Дела ваши... мать вашу... — продолжал на ходу бубнить Серега, явно потеряв нить разговора и не помня уже, с чего начал.

Понимая, что в этом своем стремительном пике в никуда, Серега может и не довести его до общежития, Владимир поддерживал его за локоть. Серега уже не мог идти медленно. Резко наклонившись вперед, он мелко семенил, даже почти бежал, а вернее — его несло. Главное — курс Серега держал точно. В этом Владимир, вынужденный семенить рядом, убедился, когда Серега вывел его к обшарпанной двери с такой же облезлой табличкой «Общежитие домоуправления № 5».

Подвиг был налицо — боец выполнил приказ и ушел в небытие. Угнездив окончательно отключившегося Серегу на крыльце, Владимир оставил его отдыхать после тяжелого перехода и вошел в общежитие.

Найти коменданта не составило труда. Владимир долго пытался ему что-то объяснить, но тот требовал бумагу и ничего не хотел слушать. Спасла какая-то женщина, вошедшая в кабинет.

—Да это же покойничек, Кириллыч! Петровна тебе вчера говорила! Забыл, что ли?

—Ой, ё... А что ж ты мне, голубь ты сизокрылый, мозги тут... Так бы и сказал!

Комната № 14 оказалась еще хуже, чем он предполагал. Двери не было. Ее заменяло старое одеяло, прибитое к косяку. Отодвинув его, комендант вошел.

—Заходи, голубь! Не «Метрополь», не спорю. Однако же, другого нет. Все занято. Народу много нынче понаехало,— добавил он, пряча глаза.

Две узкие кровати времен Павки Корчагина, ободранный и прожженный чайниками да кипяильниками стол, одна выдавшая виды тумбочка и одна табуретка. Из мебели это было все. На никогда не протиравшемся подоконнике, у мутного, никогда не мытого окна, стоял такой же мутный графин с желтой водой, в котором утопился кусок

соленого огурца. Рядом – пара еще более мутных, то ли от частого использования, то ли от наливавшихся в них жидкостей, стаканов. На одной из кроватей лежал матрац без постельного белья и подушки. На второй не было и этого.

– Вот эта, – Кириллыч указал пальцем именно на нее, – твоя. Завтра, глядишь, матрасик какой, да подушку подыщем.

Такого Владимир не ожидал. Однако же, делать нечего. Он кивнул коменданту, бросил темные, застиранные простыни на ржавую сетку кровати и пошел на выход. Что дальше? Владимир прекрасно понимал, что если его что и ждало, то наверняка оно должно соответствовать этому месту в общежитии...

– Ну, и как? Устроился? – спросила Изида Петровна.

– Устроился.

– Что же мне с тобой делать-то? А впрочем, ты как, считать-писать умеешь? Покажи мне свои руки. Ладонями-то вверх поверни.

– А что с руками?

– А то с руками, что чистенькие они у тебя, без мозолей. Не работяга ты.

– Не знаю я ничего.

– Ладно. Значит, поступим мы так... Вот за этим столом я и выделяю тебе место твое рабочее. Садись. Сейчас нагрузжу работой.

Работа оказалась не очень сложной, но требующей внимания. Заваленный толстыми конторскими книгами, он погрузился в дело и забыл обо всем на свете. Даже ругань Петровны со слесарями и электриками вскоре перестали отвлекать.

Когда Петровна крикнула ему, что пора заканчивать рабочий день, с сожалением отложил ручку – ему предстояло возвращение в общежитие.

На его кровати лежал полураздавленный матрац, протертое до полупрозрачности в некоторых местах тонкое одеяло, да странный, комковатый блин, призванный изображать подушку. Вздохнув, Владимир застелил постель, съел купленный по пути пирожок, запил его водой, набранной в предварительно отмытый графин, лег поверх одеяла и сразу заснул.

Разбудил его грохот табуретки, отлетевшей в дальний угол комнаты от удара сапогом.

– Привет, сосед! Ну-ка, покажись! Дай посмотреть, как нынче покойнички выглядят!

–Привет,– ответил Владимир, разглядывая огромного мужика лет тридцати пяти.

Круглое, по-юношески румяное лицо, маленькие острые глаза и обезоруживающая, почти детская улыбка. Если бы не предостережение Сереги, Владимир обрадовался бы – повезло, мол, с соседом, но сейчас он сел на кровати и сжался в комок, стараясь быть готовым ко всему.

–Василий,– представился сосед, протянув свою лапу, покрытую синими узорами и письменами наколок.

–Вроде бы, как Владимир,– ответил Владимир на очень крепкое рукопожатие.

–Ага, вроде бы... Слышь, а ты чё, в натуре, ничё не помнишь или косишь?

–Ничего не помню.

–Прикольно! А чё делать собираешься? Думаешь, Петровна тебя долго продержит? Ей менты тебя впарили, и она боится тебя как огня, потому как думает, что ты – подсадка. Они давно ее пасут. Эй, корешок, а может, ты и точно мент, а? Ты мне правду скажи, мне можно!

–Да нет. Не мент я.

–Только ты не ври, Вовчик. Мне нельзя врать. Когда мне врут, я зверею.

–Не буду.

–То-то. Смотри же, не ври. По стопе?– спросил, доставая из тумбочки начатую бутылку водки.

–Не знаю. Доктор сказал, что нельзя мне пить с полгода совсем.

–А чё будет?

–Не знаю. Мозги, наверное, свернутся в сторону.

–Врут они все. Мне лепила на малолетке тоже все говорил, что не выживу, когда чурбаном по башке дали. Выжил, как видишь! Ну, как знаешь. Тогда я сам. А ты посиди со мной, не люблю сам с собой пить,– сказал Васька, встал и вывалил на стол содержимое большого бумажного пакета.

Крупно, от души, Васька «порубил» большим складным ножом с деревянной ручкой толстый батон вареной колбасы, и, мгновенно выпотрошив тут же, на бумагу, так же крупно нарезал пару жирных селедок.

Не отрываясь, Владимир смотрел на большие куски селедки. Ему нестерпимо захотелось этой незатейливой еды, что пришлось часто сглатывать слюну.

– Да ты давай, Вован, не стесняйся! Небось, на больничке-то дрянью всякой кормили!

– Да нет, вроде бы и ничего. Такого, правда, не давали.

– Вот и шуруй!

Васька налил себе больше половины стакана, предварительно обтерев его краем простыни.

– Ну, будем! – Васька громко выдохнул и, не глотая, вылил водку в себя. Занюхав кулаком, отломил от буханки большой кусок хлеба и стал смачно, причмокивая, с удовольствием закусывать.

Владимир в очередной раз сглотнул слюну, отломил кусок еще теплого, свежайшего хлеба и поднес его к лицу, чтобы вдохнуть этот, ни с чем не сравнимый, будоражащий какие-то древние струнки в сознании, дух свежееиспеченного хлеба. Селедочка оказалась потрясающе вкусной! Малосольная, жирная, она таяла во рту и, наслаждаясь первым большим куском, Володя понял, насколько он был голоден.

Васька внимательно смотрел на него, медленно пережевывая колбасу. Затем, встав, высунулся в коридор и заорал:

– Тонька! Тонька, твою мать, ты где?!

– Да здесь я, – раздалось в ответ, – чего орешь?

– Ты картохи нам сообрази быстренько, да сама заходи. Только мухой, нам ждть некогда – водка греется! Поняла?

– Да поняла, поняла. Уже варится, скоро будет готова. Будто не знаю тебя!

– Во, баба какая! Цены ей нет, хоть и дура полная! – восхищенно заявил Васька и взял бутылку, чтобы снова налить, – А ты ешь, ешь! Слушай и ешь, а то я люблю под водочку-то побазарить, да не с кем! Подсеяли тут умных, да хитрожопых...

Минут через пять «входное» одеяло сдвинулось, и в комнату вплыла Тонька. Женщина лет сорока, она была под стать Ваське – крупная, с румянцем во все круглое лицо.

– Картошечку заказывали?

– Заказывали, заказывали, – откликнулся Васька и налил ей в стакан чуть меньше, чем себе.

Тонька открыла крышку выдавшей вида алюминиевой кастрюли, и оттуда поднялось облако пара. Васька тут же стал своими толстыми пальцами хватать большие, сваренные в мундире, картохи и выкладывать их на стол. В ящике стола оказалась тарелка с крупной, серой солью.

Обжигаясь и дуя на пальцы, они чистили картошку и откусывали ее, горячую, дыша при этом, словно разгоряченные псы, стараясь остудить откушенное. За первой бутылкой на столе последовала вторая. Тонька, шепнув что-то Ваське на ухо, ушла. Он же говорил и говорил, словно стараясь наверстать когда-то упущенную возможность сделать это. Говорил обо всем. Долго рассказывал о себе, о раннем сиротстве и суровой жизни в детском доме. Почти ничего не говорил о зоне, в которой провел большую часть своей жизни. Начал с колонии для малолеток, куда залетел, попавшись на киоске, «подломанном» с корешами в новогоднюю ночь, чтобы взять жвачки да конфет. Может быть, в честь праздника и простили бы пацанов, да один из них дал камнем сторожу, пытавшемуся защитить киоск, по голове.

Васька пил, не снижая ни темпа, ни количества наливаемого в стакан. При этом он почти не хмелел. Речь по-прежнему была четкая и ясная, только улыбка сошла с лица, и Владимир, глядя в это серьезное и даже злое уже лицо с остановившимся взглядом, прекрасно понимал, почему предыдущие Васькины сожители ломали руки-ноги, вылетая из комнаты №14.

–Ладно, покойничек. Пойду я. Тонька заждалась уже. А ты спи. Завтра договорим.

Васька тяжело поднялся и, грузно ступая, пошел на выход. Отодвинув одеяло, остановился и обернулся.

–Тс-с! Ежели кто спросит – меня нет, скажешь, что ушел Васька. Понял?

–Понял,– ответил Владимир.

–«Что уж тут не понять, только кому ты сейчас можешь понадобится?» – подумал про себя и, как оказалось, напрасно.

Среди ночи он проснулся от резкого толчка в спину. Вскочив, увидел, что в комнате находятся трое. Один – высокий брюнет с кавказскими чертами, двое других – типичные «быки», накачанные ребята с мутными пустыми глазами, низкими лбами и толстыми шеями.

–Где твой сосед? – спросил высокий.

–Не знаю.

–Не обманывай меня,– сказал высокий, останавливая рукой одного из «быков», шагнувшего было к Владимиру.

–Точно, не знаю. Он выпивал здесь, а потом ушел. Я убрал и лег спать,– сказал Владимир.

–С кем он пил?

–Со мной.

–А ты почему трезвый, если с тобой? С Васькой пил и трезвым остался?!

–А я не пил. Мне нельзя.

–Больной, что ли?

–Да, больной,– сказал Володя и задрал майку, обнажив длинные, уродливые швы, выделяющиеся на бледном теле красно-синими, только что зажившими шрамами.

–Ладно, поверю. Только ты смотри мне! Если узнаю, что обманул – на дне моря найду и все твои шовчики самолично, по очереди пооткрываю! – сказал высокий и, сделав знак «быкам», вышел вслед за ними.

Утром Владимир ушел на работу, так и не повидав Ваську. Не появился он ни в тот день, ни в следующий. Просто исчез, и никто не знал, куда. Вещей у Васьки не было. Комендант велел техничке убрать из Васькиного шкафа пустые бутылки и заявил, что еще неделю подождет, а потом кого-нибудь поселит на это место. Прошла неделя, однако заселять кого-нибудь на Васькино место не спешили. В общежитии поговаривали, что не обошлось здесь без Тоньки, которая намекнула кому-то на то, что если Васька вернется, а место его будет занято - мало никому не покажется! Намек дошел до ушей коменданта, и всяческая деятельность вокруг Васькиного места прекратилась. Владимир жил в комнате один. Помаленьку, он привел ее в порядок, отмыл, покрасил. Вместо одеяла на входе, появилась дверь.

Объявился Васька через два месяца. К тому времени, Володя стал в домоуправлении незаменимым человеком. Помимо бумажных дел, ему поручались и более серьезные. Постепенно, он стал присматривать за слесарями, контролировать их работу, общаться с жильцами. Изида Петровна быстро оценила выгоды от такого помощника и всячески поощряла его инициативы, постепенно сбрасывая на него свои многочисленные заботы одну за другой,. Единственное, чего она не позволяла себе и немедленно пресекала попытки других повлиять на нее – это разговоры о повышении Владимиру зарплаты. Он по-прежнему числился в разнорабочих и получал наравне с уборщицей, чем вызывал насмешки и довольно острые шуточки с намеками на особую любовь Изиды Петровны. А еще, поговаривали о каких-то мифических конвертиках, которые она якобы ему вручает. Пару раз Владимиру даже приходила мысль о том, что она же сама и распускает эти слухи.

Раскинулось море...

Васька сидел за столом, когда Володя открыл дверь в комнату №14, придя с работы.

–Привет, покойничек! – улыбнулся он своей ослепительной улыбкой

–Здравствуй. Ты надолго? Вернулся или как?

–Никак соскучился? Аль, жизнь трудна без меня?

–Да как сказать... Живу помаленьку!

–Ага, наслышан. Точно, что помаленьку. Изида, она сука еще та! И не надоело тебе с ней вошкаться?

–Да есть немного, но что я могу сделать? Куда пойду без документов?

–Ладно, Вован, я к тебе по делу. Не буду тянуть. Ты меня не сдал, когда люди Анвара приходили, а Васька добро помнит! У нас друган надолго загремел по случаю, место его свободно. Работа не пыльная, бабки хорошие. Как смотришь на это?

–Интересно. А что за работа?

–Работа простая. На промысел с нами пойдешь. На краба.

–Думаешь, смогу? Ни тяжелое поднять, ни еще чего...

–Я смог, почему ты не сможешь? На руле стоять научишься, другие дела есть, где на пузо тяжести тянуть не нужно. Так как, идем?

–А документы? Кроме справки, у меня ничего нет.

–И не надо. Там, в море, никому твои документы не нужны.

–Я могу подумать?

–Можешь. Сейчас к Тоньке нырну, а через пару часиков загляну. Будь готов – сразу и рванем. Утром в море выходим.

–Понял. Буду думать.

Собственно, думать-то было нечего. Ни единой душе не нужен, имущества никакого, денег – только на пирожки. Никому не должен, да и ему, тем более, никто не должен. Что он терял? Ничего. С этой мыслью Владимир незаметно задремал.

–Подъем!– разбудил его рёв Васьки.– Не спи, замерзнешь! Все, все, кончай ночевать! Вставай, Вовчик! Погнали, быстро! Тонька, шалава такая, совсем меня загнала – чуть не проспал! Ходу, ходу, Вован!

Оглушенный натиском, шатаясь спросонья в разные стороны, Владимир спотыкался, еле успевая за Васькой. Шли долго. Черные бараки, захламленные дворы с полуразвалившимися сараями, лохматые псы, рычащие и лениво лающие на них из-за заборов... Все

это было убогим, чужим и не дававшим ни малейшей пищи для возникновения хоть каких-нибудь воспоминаний.

Длинный деревянный пирс скрипел досками под ногами. С одной стороны, у самого его основания, стоял старый плашкоут¹. Это название ржавой баржи с мятыми-перемятыми бортами само собой всплыло в голове. Откуда он его знал? С другой стороны, в самом конце пирса стояло рыболовное судно – довольно большой сейнер-траулер со спуском-слипом для трала² на корме и мощными траловыми лебедками на палубе. Цвета у траулера почти не было – все покрывал толстый слой ржавчины, свисающей лопухами. Множество глубоких царапин на борту говорили о швартовках к другим судам в море. Названия также не было. Номер под крылом ходового мостика, на надстройке, просматривался, но среди ржавых пятен трудно читался даже вблизи. Васька перешел на борт судна по шаткой сходне³, переброшенной с пирса на пустынную деревянную палубу.

–Жди меня здесь,– сказал Владимиру и исчез в надстройке.

Минут через десять он вышел в сопровождении небритого мужчины лет сорока, в тельняшке и выдавшей виды, наброшенной на плечи ватной телогрейке. Взгляд его острых глаз как будто прощупывал Владимира.

–Здорово! Алексей Иванович,– представился мужчина, подавая руку,– можешь звать Алексеем. Я – владелец и капитан этого судна. Все, кто находится на его борту, подчиняются мне беспрекословно и работают как каторжники, а я неплохо плачу за это. Если согласен – проходи. Если нет – у тебя есть возможность повернуться и мирно уйти. Потом, в море, такой возможности у тебя не будет, и жить по моим условиям тебя заставят, хочешь ты этого или нет.

–Я согласен,– сказал Владимир.

–Это правда, что ты ничего о себе не помнишь?

–Да, правда.

–Ладно, это твои проблемы. Главное – помни то, что я тебе сказал. А сейчас – иди, Василий покажет тебе, где ты будешь жить. Через час отходим. На отходе твое место будет на мостике, а там – разберемся.

Сказав все это, капитан ушел, а Васька, радостно хлопнув Владимира по спине, повел его в надстройку. Каюта, куда его поселили, была на четыре человека.

–Падай на эту,– Васька указал на нижнюю койку и сел на такую же напротив,– опять соседями будем.

Верхние не были застелены. Поймав взгляд, Васька улыбнулся.

— Там никого нет. У нас не полная команда. Это когда тралением⁴ занимаются, тогда полная, а мы другими делами занимаемся.

— Какими?

— А ты привыкай поменьше спрашивать! Все, что будет нужно — скажут или сам увидишь!

— Понял.

— Вот и ладно. Пойдем в сушилку, робу тебе подберем.

Сушилкой оказалось помещение с массивными деревянными решетками вместо палубы и множеством крючьев на переборках. Под решетками виднелись змеевики. Воздух в сушилке был горячий и сухой. Всюду весела рабочая одежда — куртки, брюки, плащи, шапки. На палубе стояли резиновые и кирзовые, выдавшие виды сапоги.

— Посмотри вон там, — Васька указал на кормовую переборку, — там себе подбери все, что подойдет и понравится. Потом с боцманом поговорим, что-нибудь нового тебе подбросит, а пока — это.

Через полчаса Владимир был одет. В сушилку стал входить народ. Мужики здоровались и молча переодевались. По концентрации перегара чувствовалось, что короткая стоянка не прошла впустую!

— Так, мужики, готовы? — раздался тяжелый бас, владельцем которого оказался довольно крупный мужчина лет тридцати пяти. — Пошли все вверх. Снимаемся. Санек, сразу сходню долой.

— Понял, — отозвался долговязый.

— Романыч, это Вовчик, — указал на Владимира Васька.

— Ага, есть. Одет? Тогда, дуй на мостик. Будешь вахту нести, а там — посмотрим.

— Это наш «дракон», — сказал Васька, когда тот ушел, — боцман. С ним шутить не советую. Ежели он чего не поймет — сразу в лоб, а кулаки сам видел.

— «Ага, — подумал про себя Владимир, — будто ты сам не такой же...»

На мостик вел узкий, почти вертикальный трап. Там уже находился сам капитан и еще двое мужчин.

Один из них, штурман по имени Николай, подмигнул Владимиру и, взяв его за плечи, поставил рядом с рулевым, сухощавым мужичком лет пятидесяти.

— Вот, — сказал Николай, — стой рядом и смотри внимательно, что и как он делает. Ты у нас будешь вечным рулевым, коли тяжести тебе нельзя. Учить тебя некогда, да и некому. Сейчас выйдем, и с часик

Матвей с тобой постоит, подскажет чего, а потом – сам, своими ручками. Уловил?

– Уловил, – ответил Владимир.

– Все, запускай двигатель, – сказал Николаю капитан.

Штурман поднял на пульте у лобовой переборки⁵ прозрачную крышку и нажал большую красную кнопку. Слышно было, как пыхнул и завелся двигатель.

– Матвейч, как руль?

– Нормально, – ответил рулевой, переложив пару раз руль с борта на борт.

– Отдать все концы, – скомандовал в микрофон капитан, и через минуту в динамике прозвучало, что все концы отданы, выбраны и под кормой чисто.

– Поехали! – сказал капитан и плавно перевел ручку телеграфа вперед. Сейнер задрожал и двинулся, набирая ход.

– Руль право пять, – скомандовал капитан.

– Есть, право пять, – ответил рулевой.

Миновав оголовок пирса, сейнер развернулся носом на выход из бухты, представляющий собой довольно узкий пролив между двумя мысами, обрывающимися в воду серыми вертикальными скалами высотой метров по двести. Минут через десять скалы пронеслись мимо сейнера, и судно стало довольно значительно покачиваться.

– Давай полный, – сказал капитан штурману, – да и чайку было бы неплохо.

– Матвейч, держи тридцать пять, – обратился штурман к рулевому, – и расскажи молодому, как курс держать.

– Да вроде бы, как понял уже, – сказал Владимир.

– Да-а? Уже? Ну-ка, Матвейч, сдай руль понятливому.

– Тридцать пять на румбе сдал, – сказал Матвейч и отступил от штурвала.

– Держи пятерку на картушке репитера⁶, – шепнул он Владимиру.

– Тридцать пять принял, – сказал Владимир и встал к штурвалу.

– «Так... круг с цифрой пошел вправо, я должен его догнать, – пронеслось в голове, – руль градусов пять вправо положу.»

Круг внутри репитера гирокомпаса как бы нехотя, остановился, и цифра пять замерла на черной черте. Через какое-то время Владимир почувствовал, что сейчас круг начнет поворачиваться влево и дал несколько градусов руля влево. Круг шевельнулся, но не пошел влево.

- «Ага, все правильно»,— подумал Владимир.
- Да ничего, держит! — минут через пять сказал Матвейч, наблюдающий за репитером..
- Держит, так держит,— сказал штурман,— иди, чайку завари.
- Тем временем, сейнер стал выходить из-за мыса, прикрывающего его от волны, и судно начало больше рыскать на курсе. Владимир быстро приноровился и к этому.
- И как? — спросил капитан
- Нормально,— ответил штурман,— стоит, как будто сто лет стоял.
- Так говоришь, ничего не помнишь? — обратился капитан к Владимиру.
- Нет. Ничего,— ответил он.
- Минут через пятнадцать вернулся матрос с большим чайником.
- Матвейч, глянь на самописец,— сказал штурман.
- Да-а, вот тебе и лютики-цветочки!— протянул Матвейч, с уважением посмотрев на Владимира.
- Вот так вот! Учись, как рулить нужно! Как по ниточке идет новичок наш!
- Хорош новичок... Так я пошел, а? Пойду на палубу, к народу поближе?
- Иди,— сказал капитан, с удовольствием, шумно втягивая горячий чай.
- Интересно,— задумчиво сказал он через какое-то время, подойдя к Владимиру и внимательно посмотрев на него,— а что ты еще умеешь?
- Не знаю,— не поднимая глаз от репитера, ответил Владимир.
- Ладно, поглядим.
- В восемь часов его сменили. Он спустился вниз и, идя по запаху, нашел столовую. Там, на столе, была гора хлеба, блестящий чайник и огромная тарелка жареной рыбы. Наевшись, пошел в каюту. Только собрался переодеться, как в коридоре раздался длинный громкий звонок, а динамик щелкнул, зашипел и голосом капитана сказал: «Приготовиться к постановке трала. Молодому на руль».
- Поднявшись, сразу сменил у штурвала вахтенного матроса. Капитан стоял у экрана прибора, от которого доносились ритмичные, с интервалом в несколько секунд, звуки.
- Та-ак, чуток еще... Есть, пошел трал! — сказал он и плавно уменьшил ход рукояткой машинного телеграфа.
- Пошел трал! — громко повторил в микрофон штурман.

Через несколько минут Владимир почувствовал, как изменилось поведение судна. Оно перестало легко рыскать на курсе, двигатель натужно застучал. По мере поступления докладов с палубы, капитан добавлял обороты рукояткой. Натужно стуча двигателем и почти не качаясь на волне, судно ровно тянуло за собой тяжелый мешок трала, процеживая воду.

—Так и идем. Держись этой изобаты,— сказал капитан помощнику, склонившись над картой.

Сдав вахту, Владимир спустился в каюту, лег и сразу же задремал. Разбудил его Васькин бодрый голос.

—Подъем, Вовчик! Обед проспичь! Скоро выбирать трал начнем. Похоже, хорошо взяли наживочки, ваеры⁷ аж звенят!

—Почему наживочки? Мы что, разве не рыбу ловим?

—Да рыбу, рыбу! Только эта рыба пойдет как наживка в краболовки. Крабов мы будем ловить, Вован.

—А как их...

—Там, на корме, сложены ловушки, потом посмотришь. Вот, в них и закладывается рыба, а краб заползает за ней в ловушку.

Куток⁸ трала, вытянутый по слипу на палубу, был полон минтая. Несколько часов работала команда, пока вся рыба не оказалась в трюме. После этого палубу скатили из шлангов забортной водой, а трал убрали. Сейнер шел к месту работы. Все светлое время резали наживку.

Дважды Владимир поднимался на мостик и нес вахту. Сейнер шел на авторулевом, и поэтому ему нужно было просто стоять и непрерывно смотреть в иллюминатор вперед, чтобы не прозевать встречное судно или еще какую-нибудь опасность. Небо низко нависало серой, темной массой. Вода — точно такая же, свинцового цвета. Ветра почти не было, и сейнер легко бежал, оставляя за собой ровный пенистый след кильватерной струи. За кормой постоянно вилось несколько чаек, не потерявших еще надежды получить то, что привыкли получать от рыболовных сейнеров — множество еды в виде выпадающей из тралов или смываемой матросами с палубы рыбы, да рыбьих потрохов.

Днем все свободные от вахт укладывали и цепляли наживку в краболовки — похожие на чернильницы, сделанные из обтянутых сетью стальных колец метра по полтора диаметром. В верхней части краболовки было кольцо из широкой пластмассовой полосы. Краб пролезал сквозь это кольцо в краболовку, чтобы добраться до приманки,

а выбраться уже не мог. Наживка в виде нарезанной рыбы, закладывалась в пластиковый решетчатый контейнер и одна, целая, на специальном крючке. Матросы привязывали краболовки специальными поводками по двадцать штук, на расстоянии метров по десять - пятнадцать, к длинному толстому канату – хребтине. Как объяснил Васька, эта хребтина с двумя грузами по концам устанавливалась на дне и от обоих грузов вверх поднимались веревки с вешкой и буйком, чтобы их можно было найти. Все это сооружение называется ярусом. Таких ярусов сейнером выставлялось до двадцати штук. Суток двое длился «застой», а потом ярус выбирался специальной лебедкой, и все свободные от вахт на промысловой палубе выбирали и сортировали краба.

Вот, эта работа и началась ранним утром. Владимир стоял на руле все время, пока они ставили яруса. Уставший, он свалился и тут же заснул. Среди ночи его разбудил все тот же громкий звон и «Команде на выборку ярусов!»

– Вась, мы же только что поставили, а ты говорил, что двое суток!

– Я тебе, Вовчик, не только это говорил. Я, если ты помнишь, говорил еще и о том, чтобы вопросов лишних не задавал – безопасней для тебя будет, а то можно и языка лишиться! Да и головы тоже, – добавил он.

– Понял, – сказал Владимир.

– Ага. Хорошо, что понял. Глядишь, может и поживешь подольше.

На мосту – тихо, лишь жужжание приборов. Ходовые огни и освещение палубы выключено, только тусклые оранжевые лампочки освещали людей в оранжевых же, но в свете этих ламп казавшихся серыми, прорезиненных костюмах.

Машиной и подруливающими устройствами – поперечными трубами с гребными винтами в носовой и кормовой части корпуса, командовал капитан. Сейнер медленно подходил бортом к вешке. Это была чужая вешка. На нашей, Владимир хорошо это запомнил, было три флага – синий, белый и зеленый. На этой же – красный, желтый и синий.

– «Вот так вот мы, оказывается, живем. Воруем из чужих ловушек, – подумал Владимир, – теперь все понятно».

Подцепленный «кошкой»⁹ буюк подняли на палубу, и тут же зашумела лебедка, вытягивая ярус. В каждой ловушке было по пять-десять больших крабов. Их, открыв замок дна ловушки, выбрасывали на большой стол, где сортировали и отбрасывали больших в одни

пластмассовые лотки, маленьких – в другие. Работа шла в тишине, все действовали быстро и ловко. Вскоре все было закончено. Вновь поставив ярус, сейнер пошел дальше. За ночь проверили с десятков ярусов. Одновременно шла обработка краба. Лапы отрезались, укладывались на алюминиевые лотки и шли в камеру, на глубокую заморозку температурой минус сорок градусов. Панцири и внутренности – в туковарку, где все это варилось паром, сушилось с его же помощью и перемалывалось в тук – муку. Такая мука, как Владимир узнал позже, используется в качестве ценнейшего удобрения, а потому хорошо продается.

К рассвету никаких следов ночной деятельности не осталось. Палуба чистая, народ спал. Сейнер лежал в дрейфе ¹⁰возле своих порядков. На следующую ночь все повторилось.

Кормили как на убой – кроме обычной еды, на столах всегда был свежий хлеб, а в холодильнике – вареные лапы краба. Сначала Владимир накинулся на этот деликатес, уплетая его в вареном и жареном виде, но вскоре приостыл. Сладковатый вкус белковых волокон стал даже несколько неприятным.

Свои ловушки проверяли днем. Время от времени, мимо проходили другие сейнера, и Владимир видел, что их разглядывают в бинокли оттуда. На выборку своих ловушек ходил и он. Его задачей была нарезка рыбы и укладка ее в пеналы. Ему дали большой, острейший нож, резавший рыбу как масло, не задерживаясь. Задача совершенно простая, но когда этим занимаешься несколько часов подряд... Руки ломило, внимание уплывало куда-то, и Владимир понимал, что в очередной раз он может отрезать себе палец. Помог боцман.

–Что, намаялся?

–Да как сказать...

–А так и говори. Думаю, ты уже понял, как не нужно резать рыбу. Теперь я покажу тебе, как это делается правильно.

Ничего сложного, но то, что показал боцман, странным образом изменило процесс. Он стал и проще, и результативнее, а главное – пальцы уже не лезли под нож!

Жизнь шла как по рельсам. Две ночи – чужие яруса, днем сон, потом – день свои и ночью сон. Владимир участвовал только в обработке своих ловушек. Остальное время нес вахту на мостике, стоя у штурвала или глядя за горизонтом. О любом огоньке, замеченном на горизонте, он должен был немедленно сообщать капитану или штурману.

Именно это он и сделал, когда в очередную ночь на горизонте появился белый огонек. В этот момент выбирался чужой ярус.

–Стоп работы, ярус за борт, на палубе навести порядок,— объявил капитан, посмотрев с минуту на экран радара.

–Сюда идет,— сказал штурман, глядя на экран,— огни надо бы включить какие...

–Дрейфовые включи, а палубные пусть рыжие останутся.

–Ага, сказал штурман и щелкнул переключателями на щитке.

Владимир уже знал, что дрейфовые огни – это два красных огня друг над другом. Все суда, увидев их, понимают, что судно лежит в дрейфе, не имеет хода и его несет ветром и течениями. Вскоре показались ходовые огни приближающегося судна – красный и зеленый, а между ними белый. Это означало, что оно идет прямо на нас. С судна ударил мощный прожектор, ослепив всех бывших на мосту.

–Собака!– сквозь зубы проговорил капитан,— Специально по мосту бьет.

–На сейнере,— раздался усиленный мощным громкоговорителем голос с подходящего судна,— примите инспектора.

–Пошел я,— сказал боцман, стоявший на крыле.

–Давай. Приведешь его ко мне.

–Знаю.

–Свет на палубу включи,— сказал капитан штурману и вышел с мостика.

Прожектор погас. В свете включенных палубных ламп было видно, что рядом с нами стояло небольшое судно с написанным вдоль всего борта словом «Флотинспекция».

–И что будет? – спросил Владимир, наблюдая, как с судна спустили краном надувную лодку с мотором.

–А ничего,— ответил штурман,— посмотрят документы, возьмут то, что им приготовили и уйдут.

–А... – начал было Владимир, но осекся, вспомнив слова Васька.

С борта сбросили штормтрап, и инспектор ловко вскарабкался по нему на борт. Минут через двадцать он вышел с большой сумкой в руках. За ним шли два матроса с большими мешками, в которых явно были мороженые лапы.

Инспектор махнул рукой капитану, поднявшемуся на мостик, и лодка унеслась. Ее сразу же подняли на борт, и судно дало ход, но вскоре легло в дрейф в нескольких милях. В ту ночь больше не работали.